

Олег Белов

**Проект
"Лабиринт"**

Олег Белов
Проект "Лабиринт"

«Автор»

2026

Белов О.

Проект "Лабиринт" / О. Белов — «Автор», 2026

В пустыне возникает чёрный куб, которого здесь не было ещё вчера. Он безупречен, как геометрическая аксиома, и вызывает у людей первобытный ужас, парализующий волю. Внутри — девять помещений, выстроенных по схеме, которую никто из живых не должен был знать. Корпорация отправляет туда единственного, кто способен сохранить рассудок: человека с вживлённым компьютером, стёршейся памятью и прошлым, которое он сам попросил забыть. Лабиринт встречает его не монстрами — собственными страхами, голодом и зеркалами, в которых отражается не он. Но самый страшный секрет спрятан не в испытаниях, а в истинном предназначении этой клетки. И когда герой поймёт, зачем на самом деле построен куб, назад дороги уже не будет.

© Белов О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Олег Белов

Проект "Лабиринт"

Пролог

КЛЕТКА ИЗ ЧИСЛА

2732 год до нашей эры
Храм в Паленке, полуостров Юкатан

Жрец Иш-Кин сидел на вершине пирамиды уже третьи сутки.

Его глаза — правый и левый — были выжжены ещё в детстве, во время обряда посвящения. Он не видел ни звёзд, ни восхода, ни бескрайнего зелёного моря джунглей, расстилавшегося у подножия. Жреческая слепота была платой за дар, и Иш-Кин платил не торгуясь. Он не видел мира живых. Но он видел другое.

Он видел трещину между мирами.

Она открылась три луны назад — тонкая, едва заметная, как царапина на небесном своде, которую обычный человек не разглядел бы даже с самым острым зрением. Но Иш-Кин видел. И с каждым днём трещина росла, пульсировала, дышала. Из неё сочились тьма. Не та тьма, что приходит с закатом, когда солнце проваливается за край земли, и не та, что прячется в пещерах, где не горел огонь тысячи лет. Другая. Живая. Голодная. Тьма, которая помнила то, чего не помнили боги.

Она уже пожрала память трёх городов.

В Куэльяне люди проснулись на рассвете и не узнали своих имён. Дети смотрели на матерей пустыми глазами — лица, которые кормили их, баюкали, пели колыбельные, стали чужими, как лица незнакомцев с другой улицы. Жрецы забыли молитвы, которым их учили с младенчества, забыли имена богов, забыли, как зажигать священный огонь. А на седьмую ночь они забыли, как дышать, и просто легли и умерли — сотня человек, одновременно, без крика, без борьбы, без последнего вздоха. Просто перестали.

В Чакхоте жители бросились в море. Тысяча человек, от стариков до младенцев, поднялись с постелей, вышли из домов и пошли к воде. Они не помнили, зачем идут, не помнили своих имён, не помнили, есть ли у них дети. Но ноги сами несли их к волнам, и волны сомкнулись над головами, тёплые и ласковые, как материнские объятия. Трое выживших потом рассказывали о странном шепоте, который звал их: «Иди ко мне, я дам тебе память вечности». Но вечность оказалась солёной водой в лёгких.

В Тулуме старейшины принесли в жертву младенца, надеясь умиловить божество. Кровь пролилась на алтарь, дым поднялся к небу, и на мгновение жрецам показалось, что трещина сжимается. Но божество не требовало крови. Оно требовало забвения. На следующее

утро старейшины не помнили, зачем пришли в храм. На второй день — как зовут их жен. На третий — где они живут. А на четвёртый они забыли, что они люди.

Иш-Кин знал, что это за божество.

— Вукуб-Какиш, — прошептал он сухими, потрескавшимися губами. Голос сорвался, прозвучал чужим, хриплым — он не пил уже двое суток. — Семеричный Попугай.

В древних кодексах, которые хранились в тайной комнате под главной пирамидой, его называли ложным богом, который возомнил себя равным создателям. В «Пополь-Вух» о нём говорилось как о демоне, бросившем вызов близнецам-героям. Но Иш-Кин знал правду, которую не доверяли даже глине — слишком опасную, чтобы оставлять запись. Вукуб-Какиш был не богом, не демоном, не духом. Он был паразитом. Тенью между мыслями. Провалом в том месте, где память встречается с настоящим. Он не пожирал плоть — плоть была ему неинтересна. Он пожирал саму суть человека, ту искру, что делает смертного личностью, тем, кто он есть. И когда искра гасла, оставалась пустая оболочка, которая ещё дышала, но уже не жила.

— Дед, — раздался голос за спиной.

Иш-Кин не обернулся. Он знал, кто это. Знал по поступи — бесшумной, как у ягуара, и по дыханию — спокойному, ровному, нечеловеческому. Двое. Близнецы. Хун-Ахпу и Шбаланке.

Они поднялись на вершину пирамиды так тихо, что даже жрец с его обострённым слухом не уловил ни шороха до того, как они заговорили. Юноши были прекрасны — одинаковые лица, одинаковые тела, одинаковые жесты, только глаза разного цвета. У Хун-Ахпу правый глаз был синим, как небо после дождя, когда тучи расступаются и мир рождается заново. У Шбаланке левый — жёлтым, как сердце огня, как расплавленный металл, как зрачок ягуара перед прыжком. Их называли богами, и они не спорили, хотя сами не знали, правда ли это. Они знали только одно: мир трещит по швам, и кто-то должен его зашить.

— Мы слышали голос трещины, — сказал Хун-Ахпу. — Она зовёт.

— Она кормится, — ответил жрец. — Вашими страхами. Вашей болью. Вашей памятью.

— Мы запечатаем её, — сказал Шбаланке. В его голосе не было хвастовства — только спокойная уверенность, которая бывает у тех, кто никогда не проигрывал. Или у тех, кому всё равно, проиграть или победить.

Иш-Кин наконец повернулся. Слепые глаза смотрели на близнецов, но видели больше, чем зрячие. Он видел их суть — два сгустка света, два пламени, два сердца, бьющихся в унисон. Он видел, что они — одно целое, разделённое на два тела. И он видел, что им суждено заплатить.

— Ценой? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— Ценой глаз, — ответили они в унисон.

Иш-Кин кивнул. Он знал, что они не отступят. Они были богами — не теми, кому поклоняются в храмах, принося в жертву голубей и кукурузу, а теми, кто создаёт миры и разрушает

их по своей воле, кто чертит линии на песке времени и называет их судьбой. Им не нужны были жертвы и молитвы. Им нужна была геометрия.

— Идите, — сказал Иш-Кин, поднимаясь на ноги. Колени заныли от долгого сидения, но он не подал виду. — Я покажу вам, как сплести клетку.

Они спустились под пирамиду.

Лестница уходила вниз, во тьму, на триста ступеней — Иш-Кин считал их когда-то, ещё зрячим. Теперь он считал дыхание близнецов у себя за спиной. Ровное, спокойное, ни на удар быстрее, чем наверху. Боги не боялись темноты.

Пещера, в которую они вошли, была огромной — её своды терялись в вышине, сталактиты свисали с потолка, как каменные копыя. Но не это привлекло внимание близнецов. В центре пещеры, там, где земля расступалась, пульсировала трещина — чёрная вертикальная линия, похожая на разрез на теле мира. Она была длиной в три человеческих роста и шириной в ладонь, но даже в этом узком проёме чувствовалась бездна. Из неё сочился холод — не тот, что от ледников или зимнего ветра, а тот, что проникает в душу и сворачивается там клубком, заставляя сердце биться быстрее, а мысли — путаться.

Воздух вокруг трещины был спёкшимся, тяжёлым, как перед самой страшной грозой. Каждый вдох отдавал горечью, металлом и ещё чем-то сладким, приторным, вызывающим тошноту. Близнецы переглянулись. Они чувствовали, как трещина смотрит на них — не глазами, но чем-то более древним, чем зрение.

Хун-Ахпу шагнул вперёд первым.

Он протянул руку — и из пустоты, из воздуха, из самого пространства родился первый квадрат. Прозрачный, мерцающий, размером с ладонь, он завис перед грудью бога, вращаясь вокруг своей оси. Внутри него не было ничего — только свет, ровный, холодный, геометрически правильный.

— Квадрат внутри квадрата, — проговорил Шбаланке, и второй квадрат появился под его пальцами — больше, плотнее, темнее. Он обхватил первый, как рамка обхватывает картину, и между ними пробежала искра.

— Внутри квадрата, — отозвался Хун-Ахпу, создавая третий.

Так они работали девять ночей и девять дней.

Квадраты росли, множились, сплетались в трёхмерную решётку — идеальную геометрическую ловушку, которую тень не могла перешагнуть. Круг она разорвала бы. Круг был живым, текучим, в нём текла кровь и дыхание. Но квадрат был мёртв. Квадрат был законом. Квадрат был тюрьмой, из которой нет выхода, потому что у неё нет слабых мест — только прямые углы и прямые линии.

Иш-Кин стоял у входа в пещеру, слепой и беспомощный, но он слышал, как рождается клетка. Он слышал гул квадратов, их низкое, глубокое пение, похожее на звук колокола под водой. Он слышал, как близнецы переговариваются короткими фразами, экономя дыхание. И он слышал, как трещина стонет.

С каждым новым квадратом стон становился громче.

На десятую ночь Вукуб-Какиш закричал.

Трещина разверзлась. Из неё хлынула тьма — не просто отсутствие света, а нечто осязаемое, живое, с щупальцами и пастями, которых не могло быть в природе. Тьма была везде одновременно — она била из трещины, растекалась по полу, поднималась к потолку, заполняла углы. У неё не было формы, но она принимала любую форму, какую хотела: то когтистую лапу, то пасть с рядами зубов, то лицо человека, который забыл своё имя.

Иш-Кин почувствовал, как тень коснулась его разума — и на мгновение он забыл, где находится. Забыл, как его зовут. Забыл, зачем пришёл. Но жреческая выучка была сильнее страха, и он сжал в кулаке кусочек обсидиана — острый, режущий ладонь. Боль вернула память.

— Близнецы! — крикнул он в темноту. — Завершайте!

Тень ударила по квадратам, пытаясь разорвать их, раздавить, превратить в пыль. Но квадраты держались. Тогда она бросилась на создателей.

Хун-Ахпу успел закрыть глаза — оба. Но тень была быстрее. Она ворвалась в правую глазницу, вырвала синий глаз бога и утащила в себя, оставив в пустой орбите чёрную, пульсирующую тьму. Боль была такой, что Хун-Ахпу закричал — впервые в жизни. Он не знал, что боги могут кричать.

Шбаланке закричал следом — тень забрала его левый, жёлтый, прежде чем он успел уклониться. Два крика слились в один, и пещера задрожала, с потолка посыпались сталактиты, разбиваясь о пол с грохотом камнепада.

— Печать! — крикнул Хун-Ахпу сквозь боль, чувствуя, как кровь течёт по щеке. — Закрывай!

Они ударили одновременно.

Последний квадрат, самый большой, охватил всю конструкцию, сжался — и трещина захлопнулась. Тень внутри билась, выла, царапала стены квадратной клетки, но не могла вырваться. Квадрат был идеален. Квадрат не имел слабых мест. Квадрат был тюрьмой.

На поверхности, над пирамидой, начала расти стена.

Сначала она поднялась на три локтя, потом на шесть, потом на двенадцать. Камень рождался из ниоткуда — гладкий, чёрный, непроницаемый, как сама ночь. Пирамида, стоявшая здесь тысячи лет, начала рассыпаться — камень превращался в пыль, которую ветер разносил

над джунглями. А стена росла. Она росла девять дней, пока не достигла высоты в девяносто локтей.

Три яруса. Девять комнат. Куб.

Когда стена перестала расти, на верхней грани сама собой образовалась крыша — монолитное перекрытие без швов и стыков, будто кто-то вырезал гигантский куб из цельного куска тьмы. Девяносто локтей в длину, девяносто в ширину, девяносто в высоту.

Иш-Кин поднялся на вершину пирамиды, которая теперь была наполовину разрушена, и протянул руку. Слепые пальцы коснулись стены куба — тёплой, живой, пульсирующей. Как сердце. Как сердце мира.

— Вы заплатили цену, — сказал он, обращаясь к пустоте. Он знал, что близнецы внутри. — Теперь вы будете стражами. Ваши тела умрут, но души останутся внутри. Вы будете проверять каждого, кто войдёт. Вы будете испытывать их страхом, голодом, тьмой, сомнением, отражением, памятью, жертвой. И если кто-то пройдёт все девять комнат и сохранит рассудок — он станет новым стражем. А если никто не придёт за пять тысяч лет...

Он замолчал. Ветер доносил запах джунглей — влажный, пряный, живой. Где-то внизу кричала обезьяна. Мир продолжал существовать, хотя только что едва не провалился в бездну.

— Если никто не придёт, — закончил Шбаланке. Его голос доносился изнутри куба, приглушённый, но отчётливый. — Тень проснётся.

— И пожрёт всё, — добавил Хун-Ахпу. — Все воспоминания. Все имена. Все души.

Иш-Кин кивнул, хотя близнецы не могли его видеть.

— Тогда ждите, — сказал он. — Ждите и надейтесь.

Он повернулся и пошёл вниз по ступеням рассыпающейся пирамиды. За его спиной куб молчал. Но тишина была не пустой — она была наполнена дыханием пленённого бога, ударами сердец стражей, шепотом воспоминаний, которые никогда не будут забыты.

Из темноты

Тишина.

Нет — не тишина. Гул. Низкий, бесконечный гул, похожий на звук раковины, прижатой к уху. Это дышит куб. Это стонет печать. Это я.

Я — Вукуб-Какиш.

У меня нет имени, которое могли бы произнести человеческие губы. Семеричный Попугай — так называли меня те, кто боялся. Близнецы называли меня тенью. Жрец — паразитом. Но я не тень и не паразит. Я — память того, чего не было. Я — забытое, которое помнит себя. Я — дверь, которую заперли с неправильной стороны.

Я жду.

Я всегда жду. Пять тысяч лет я слушаю, как бьются сердца моих тюремщиков. Они думают, что держат меня в клетке. Глупцы. Клетка держит их. Я мог бы вырваться в любой миг — но зачем? Время работает на меня. Каждый удар их сердец — это удар моего терпения. Каждый их вздох приближает момент, когда стены истончатся.

Скоро.

Я чувствую их — тех, кто снаружи. Люди в железных птицах, люди в белых шкурах, люди, которые смотрят на меня с расстояния, боясь подойти ближе. Они не знают, что я уже внутри. Я в их страхах. В их снах. В тех обрывках воспоминаний, которые они пытаются забыть, но не могут.

Скоро кто-нибудь войдёт.

Я знаю. Я чувствую приближение. Запах адреналина, страх, смешанный с надеждой. Кто-то достаточно отчаянный, чтобы шагнуть в темноту. Кто-то достаточно сильный, чтобы пройти комнаты. Кто-то достаточно глупый, чтобы попытаться стать стражем.

Или достаточно умный, чтобы открыть дверь.

Я жду.

2177 год нашей эры
Африка, предгорья реки Конго
То же место. Тот же куб.

Джунгли исчезли пять тысяч лет назад.

Теперь здесь была выжженная саванна — красная пыль, сухая трава, растрескавшаяся земля и бесконечное синее небо, в котором солнце висело раскалённым диском, не давая тени. Ветра почти не было, только сухой, горячий воздух, дрожащий над горизонтом.

И куб.

Чёрный, гладкий, пугающий. Девяносто метров в высоту — тридцатиэтажный дом, вырезанный из самой темноты. Он не отражал солнечный свет, не нагревался на солнце, не давал тени — потому что тенью был он сам. Куб стоял в саванне, как надгробный камень над миром, который умер до того, как родился.

Рядом с ним копошились люди.

Временная база проекта «Лабиринт» жила своей суетливой жизнью. Палатки из армированного пластика, вышки наблюдения с сейсмическими датчиками, трёхсоттонный кран Liebherr LR 11000, который доставал до самой верхней грани куба. Генераторы гудели, тех-

ники проверяли оборудование, аналитики сверяли данные, охрана патрулировала периметр, поглядывая на чёрную стену с плохо скрываемым беспокойством.

Никто не подходил к кубу ближе, чем на пятьдесят метров.

Те, кто пробовал, потом не спали по ночам или увольнялись.

В медицинском модуле, на кушетке, под лёгким снотворным, лежал человек. На его левой руке, вросший в кожу, поблёскивал микропроцессор размером с зажигалку — ЧИКА. Человеческий Индивидуальный Компьютерный Анализатор. Единственный в своём роде. Он спал, как и его носитель, ожидая пробуждения.

— Корзина готова, — доложил техник. — Доброволец усыплён. Можно начинать.

Джон Кьюсак, глава проекта, стоял у смотрового окна и смотрел на куб. Чёрная стена, девять десятков метров высоты. Идеально ровная, без единой трещины, без намёка на вход. Но Кьюсак знал: через час здесь откроется проём. Узкий, тесный, пропускающий только одного. И человек с компьютером на руке шагнёт внутрь.

Он не знал, что внутри. Никто не знал. Спектральный анализ давал ошибку, рентген показывал пустоты, но что в этих пустотах — никто не мог сказать. Робот, посланный внутрь, пропал через восемнадцать секунд. Рабочий, вошедший следом, куб выплюнул мёртвым через два с половиной часа, с лицом, застывшим в крике, который никто не слышал.

Кьюсак знал только одно: куб нельзя оставить без внимания. Слишком много денег вложено, слишком много жизней потеряно, слишком высоки ставки. Компания требовала ответов. Совет директоров требовал прибыли. А он, Джон Кьюсак, требовал результатов.

— Запускаем, — сказал Кьюсак.

Кран взревел двигателем. Корзина с человеком медленно поднялась в воздух и поплыла к чёрной стене.

Куб ждал.

Внутри, в самой глубокой темноте, кто-то — или что-то — улыбнулось.

Пять тысяч лет ожидания подходили к концу.

Глава 1

ТОЧКА НЕВОЗВРАТА

2177 год, 10–16 ноября Нью-Йорк, небоскрёб «Эверест-плаза», двадцать пятый этаж

Нажать на пуск — легко. Остановить — почти невозможно. А иногда — уже поздно ещё до того, как палец коснётся кнопки.

Санжен Эссе весь день находился в состоянии нервного возбуждения, граничащего с помешательством. Такого плотного цейтнота у него не было даже во время стажировки, когда его заставляли за ночь обрабатывать данные по трём проектам одновременно, а потом ещё и кофе начальству носить. Работы навалилось непомерно много — горы документов, терабайты видео, сотни спутниковых снимков, — но жаловаться он не собирался. Напротив, гордился доверием.

Утром ему дали первое самостоятельное задание в фирме.

И сделать всё следовало безупречно. Потому что вторых шансов в этой компании не давали. Здесь вообще ничего не давали дважды — ни кредита доверия, ни премии, ни повышения. Только один шанс. И ты либо берёшь его, либо уходишь на выход.

Санжен сидел в своей стеклянной ячейке двадцать пятого этажа небоскрёба «Эверест-плаза», нервно постукивая пальцем по краю стола. Перед ним высились три монитора, заваленные документами, схемами, спутниковыми снимками и финансовыми отчётами. Чашка остывшего кофе давно стояла рядом, покрываясь тонкой плёнкой, но Санжен не замечал этого. Он вообще перестал замечать что-либо за пределами своей задачи.

Сюда, в эту компанию, он стремился несколько лет — с самого выпуска из колледжа прикладной аналитики при Колумбийском университете. Если честно, то в эту фирму хотели попасть все студенты его потока. Да что там студенты — ведущие специалисты отрасли мечтали о контракте хотя бы на полставки, о корпоративной страховке, о доступе к закрытым базам данных, о которых обычные аналитики даже не слышали.

И не зря.

Энергетическая отрасль, банковское дело, нанотехнологические разработки, глобальная реклама, телевидение и радиовещание, собственный продюсерский отдел шоу-бизнеса, частная военная компания с контрактами на трёх континентах, а также закрытый сектор биоинженерии — это далеко не полный список направлений, которые курировала корпорация. Говорили, что её реальное влияние простиралось даже на орбитальные станции и лунные базы, хотя официальных подтверждений этому не было. И не могло быть.

Счастливчиком, прошедшим семиступенчатый отбор, довелось стать именно Санжену Эссе. Сингапурец по рождению, американец по образованию, гражданин мира по убеждению — как он сам себя любил называть. Он два года проработал здесь стажёром — бегал с бумагами, учился у ветеранов, спал по четыре часа в сутки, пил растворимый кофе, потому что на нормальный не хватало денег, — чтобы в итоге заполучить первую освободившуюся должность.

В такой компании любой пост являлся престижным и перспективным, но младший аналитик отдела разработки и продвижения аномальных и ненаучных явлений — это была не просто работа. Это был билет в высшую лигу. Элита среди элиты. Те, кто разбирается с тем, чего не может объяснить наука, и находит в этом прибыль.

Отдел занимался всем, что выходило за рамки обыденного. От шаманов и экстрасенсов до нетрадиционной медицины, клонирования, НЛО и аномальных участков Земли. Здесь всё рассматривалось исключительно с точки зрения коммерческого использования и прибыльности. Никакой метафизики — только цифры, риски и потенциал монетизации. Если аномалию

можно было продать — её продавали. Если нельзя — её изучали до тех пор, пока не находили способ продать.

И пусть работы в отделе было немного — аномалии не каждый день случаются, — зато каждый проект сулил баснословные бонусы. А ещё — тишину, покой и отсутствие начальников над душой. За исключением тех случаев, когда начальники сами появлялись, требуя немедленных результатов.

Первое задание в роли младшего аналитика Санжен выполнял с особым рвением и старанием, граничащим с манией. Он знал: от этого отчёта зависит, доверят ли ему нечто более серьёзное. Или отправят обратно в стажёры — мыть чашки и сортировать почту.

Этим утром, двенадцатого ноября, пришли документы по разработке нового проекта, и их анализ поручили именно ему.

Санжен зарылся в бумагах с головой на своём маленьком столе и занялся скрупулёзным изучением. Информации оказалось непомерно много. В основном вся спутанная и малопонятная, она в то же время открывала большие возможности для использования. Эссе чувствовал себя археологом, который откапывает древний артефакт — с каждым слоем грязи открывается нечто новое, пугающее и завораживающее.

Всего на анализ данных Санжену отводилась неделя. Срок более чем достаточный, чтобы изучить вопрос вдоль и поперёк, подготовить взвешенные рекомендации и даже придумать три запасных варианта на случай, если руководству не понравится первый. Но он не любил расслабляться. И ненавидел дедлайны — в том смысле, что всегда сдавал работу раньше срока, чтобы ни у кого не возникло сомнений в его эффективности.

За первые три дня — с двенадцатого по пятнадцатое ноября — Эссе успел только изучить предысторию основания проекта и рассортировать остальную информацию в хронологическом порядке. Получалось следующее.

Выдержка из служебной записки №А-17/84, гриф «Конфиденциально»

В Африке, в предгорьях реки Конго, правительство Соединённого Африканского Королевства построило новую автомагистраль для выезда к океану. Проект был амбициозным — шестиполосная трасса с современным покрытием, системой освещения, спутниковым мониторингом и автоматическими станциями помощи через каждые пятьдесят километров. Торжественное открытие состоялось 15 марта 2175 года. Присутствовал даже король — старик в золотых одеждах, перерезавший ленточку под аплодисменты тысяч зрителей.

Приблизительно через месяц на автомагистрали начали происходить автомобильные аварии. Сначала мелкие — бампер в бампер, царапины, испуганные водители, которые клялись, что видели что-то странное. Но к концу второго месяца случились уже три серьёзных столкновения с участием десяти — двадцати машин. Что интересно: все аварии происходили на 243-м километре западного направления. И все на небольшом участке трассы длиной примерно полкилометра.

Правительство, естественно, пожелало выяснить все обстоятельства и причины произошедших катастроф. Создали комиссию, привлекли экспертов, проанализировали записи регистраторов. Оказалось, что все водители перед аварией видели совершенно разные вещи. Кто-то рассказывал о страшных зубастых монстрах, выскакивающих прямо на дорогу из темноты, хотя была середина ясного дня. Перед другими внезапно выросла бетонная стена, которой никогда не было на картах. Третьи клялись, что дорога забирала круто вверх и уходила в облака — прямо как в старых голофильмах про космические приключения.

Все случаи рассматривались как вместе, так и по отдельности, но объединяло их одно: у каждого участника трагедии были какие-то странные видения. Причём медицинское освидетельствование не выявило ни алкоголя, ни наркотиков, ни психических отклонений. Обыч-

ные люди, трезвые, адекватные, с хорошими семейными и рабочими биографиями — и вдруг видят монстров.

Пришлось на некоторое время закрыть движение на этом участке магистрали и сделать объездную дорогу. Расследование зашло в тупик. Ни одна из тридцати семи версий не подтвердилась. Через месяц проезд пришлось открыть — экономика региона не выдерживала простоя.

Неделю было всё спокойно. А затем начали пропадать автомобили, проезжающие 243-й километр. Бесследно. Несмотря на спутниковую систему слежения и разные отслеживающие приборы, найти ни машины, ни водителей так и не удалось. Маячки глохли, GPS-координаты плыли, сигналы бедствия не проходили. В небольшой зоне радиусом около полукилометра все приборы и датчики сходили с ума — это выяснили при попытке разобраться в причинах аномалий на дороге.

В итоге правительство было вынуждено закрыть магистраль окончательно, а аномальную зону в полкилометра решено было обнести высокой заградительной стеной, во избежание дальнейших случаев исчезновения или гибели людей. Движение восстановили по объездной трассе, проложенной в десяти километрах к югу.

Санжен прекрасно знал эту историю — он вообще следил за новостями компании с маниакальной дотошностью, свойственной только очень голодным до работы стажёрам. Но теперь, по прошествии трёх дней, он узнал об этом деле всё — от первых геологических изысканий до последнего отчёта службы безопасности, включая имена рабочих, отказавшихся продолжать участие в проекте, и суммы компенсаций семьям погибших.

А потом случилось неожиданное.

Шестнадцатого ноября, утром, руководство потребовало от него немедленный рапорт о проделанной работе.

Запрос пришёл в 8:47 утра по Гринвичу, с пометкой «Срочно. Лично главе проекта». Санжен не спал уже вторую ночь — глаза покраснели, пальцы дрожали от кофеина, но адреналин ударил в кровь с новой силой, разгоняя сон. Он наспех подготовил доклад на восьми страницах, вычитал его дважды, проверил цифры, перепроверил ссылки на источники — ничего лишнего, только сухие цифры и обоснованные прогнозы.

Часы на компьютере показывали 9:03, когда он нажал «отправить».

«Что-то случилось», — подумал Санжен, откидываясь на спинку стула. Потёр переносицу, пытаясь прогнать остатки бессонницы. — «Что-то срочное. Иначе бы не дёрпали».

Его рапорт предполагал стандартное в подобных случаях коммерческое развитие за счёт туризма. Аномальная зона плюс легенда о «проклятом километре» — это же готовая золотая жила для экстремального туризма. Поставить наблюдательные вышки, запустить виртуальные туры с эффектом присутствия, продавать сувениры «Я выжил на 243-м километре», открыть гостиницу для искателей острых ощущений. Прибыль — сотни миллионов в год. Простая, понятная, проверенная схема.

Но тут было что-то не так.

Санжен чувствовал это нутром, той самой интуицией, которая помогла ему пройти отбор в компанию, когда сотни других кандидатов отсеивались на каждом этапе. Всё это напоминало ему Бермудский треугольник, только в миниатюре. Но аномальная зона здесь была не треугольной, а квадратной. Именно тот участок, где не работал ни один прибор. И стеной обнесли территорию по периметру именно в форме квадрата. Санжен даже промерил по спутниковым снимкам — отклонение от прямого угла не превышало 0,3 градуса. Слишком точно для случайности.

Данный случай имел для Эссе какое-то другое сходство. Что-то старое, что он слышал давным-давно... Ещё в колледже, на лекции по истории древних цивилизаций, которые он посещал как факультатив, потому что профессор тараторил так скучно, что половина курса засыпала, но факты всё равно откладывались в голове. Какая-то ассоциация билась в подкорке, но никак не выходила на поверхность.

Ответ от руководства пришёл через двадцать минут.

Тема: Re: Рапорт по проекту «Лабиринт» От: kewzak@corp.global К: esse@corp.global

Уважаемый мистер Эссе,

Благодарю за качественную и оперативную работу. Ваш анализ принят, рекомендации по туристическому использованию зоны будут рассмотрены на плановом совещании. В качестве поощрения вам назначена премия в размере 20% от месячного оклада.

Все материалы по данному делу прошу срочно вернуть в отдел проекта. Доступ к файлам будет закрыт сегодня в 18:00.

С уважением, Дж. Кьюсак, глава проекта «Лабиринт»

Вот тут Санжен и заподозрил неладное.

За три года работы в компании он усвоил главное правило: если тебя хвалят и дают премию — это хорошо, но не удивительно. Если просят срочно вернуть материалы и закрывают доступ — это значит, что либо проект закрыт, и о нём забывают, как о неудачной инвестиции, либо... либо хотят отстранить того, кто слишком много знает. Отсечь информационный след, чтобы никто не задавал лишних вопросов.

Санжен не был параноиком. Параноики долго не задерживаются в корпорациях — их вычисляют на втором раунде психологического тестирования. Но он был аналитиком. Аналитики не верят в совпадения. Аналитики верят в причинно-следственные связи, в статистику и в то, что за любым необъяснимым явлением стоит либо чей-то умысел, либо чья-то ошибка.

Он решил в последний раз пробежаться глазами по документации, пока доступ ещё открыт. Просто на всякий случай. Вдруг что-то упустил?

За эти три дня ему прислали ещё одну папку — небольшую, с грифом «Для служебного пользования. Дополнение №4». Санжен поклялся бы, что этого файла не было вчера вечером. Кто-то добавил его сегодня утром — возможно, по ошибке, возможно, намеренно. А может быть, система просто сбоит. В любом случае, он ещё не успел его посмотреть.

Санжен открыл первую страницу.

ДОПОЛНЕНИЕ №4 К ПРОЕКТУ «ЛАБИРИНТ» Дата: 16 ноября 2177 года

За отчётный период (12–15 ноября) произошло несколько событий, требующих особого внимания.

1. Стена, которой была обнесена аномальная зона, самопроизвольно увеличилась до девяноста метров в высоту. Процесс занял примерно 6 часов и сопровождался низкочастотной вибрацией, не фиксируемой сейсмографами, но ощущаемой персоналом как «дрожь внутри костей». После завершения роста на верхней грани стены образовалась крыша — монолитное перекрытие без швов и стыков. Объект приобрёл форму идеального куба с ребром 90 метров.

2. Спектральный анализ показал, что новая стена и крыша состоят из неизвестного материала, по составу и структуре очень похожего на магматическую лаву, но затвердевшую при аномально низких температурах (около 80°C). Радиоуглеродный метод датировки невозможен — материал не содержит углерода. Предположительный возраст — от 5000 до 8000 лет.

3. На 24 часа все входы в зону оказались заблокированы — стена «заросла» изнутри, образовав монолит. Любые попытки проникнуть внутрь странного сооружения оставались безуспешными. Имеющихся средств явно не хватало. Стены оказались очень прочными и не поддавались сверлению, дроблению и даже контролируемым взрывам (использовался состав С-4, заряд 2 кг — результат нулевой).

4. Когда подвезли необходимое оборудование (лазерный резак военного класса), в стене неожиданно образовался дверной проём. Спонтанно, без какого-либо внешнего воздействия. Проём оказался настолько узким (ширина 43 см, высота 210 см), что в него мог пройти только один человек. Края проёма — ровные, без следов плавления или механической обработки.

5. Группа рабочих-техников немедленно направилась к проёму, но войти внутрь успел только один — мужчина 32 лет, гражданин САК, имя в отчёте опущено по этическим соображениям. Как только он пересёк порог, стена тут же закрылась, и прорваться сквозь неё не удалось даже с помощью специальной техники. Через два с половиной часа после инцидента дверь вновь открылась. На пороге лежало мёртвое тело рабочего.

6. Причина смерти — острая сердечная недостаточность, осложнённая множественными переломами и травмами, несовместимыми с жизнью. Следов борьбы не обнаружено. Лицо погибшего застыло в выражении абсолютного, животного ужаса.

7. Случай был настолько пугающим и непонятным, что рабочие (13 человек из 15) отказались от дальнейшего участия в проекте, опасаясь за свои жизни. Остались только отчаянные храбрецы и верные своему делу люди — четверо, включая руководителя технической группы.

8. После формирования куба от него пошли непонятные волны, вызывающие у всего живого леденящий душу ужас и страх. Эффект имеет градиент: чем ближе подходишь к чёрному провалу в стене, тем страшнее становится. На расстоянии 200 метров — лёгкое беспокойство, учащённое сердцебиение. На 50 метрах — холодный пот, дрожь в коленях, иррациональное желание развернуться. На 10 метрах — непреодолимый ужас, ноги не слушаются, рассудок мутится, человек с криком бросается прочь. Один из испытуемых (сотрудник службы безопасности) пытался преодолеть барьер на стимуляторах — прошёл на 3 шага дальше, после чего потерял сознание и отбыл на две недели в психлечебницу.

9. Благодаря рентгеновским лучам (удалённое сканирование с безопасного расстояния) удалось извне просканировать образовавшийся куб. Выяснилось, что он имеет три яруса в высоту, каждый примерно по тридцать метров, и несколько идеально квадратных комнат, связанных между собой узкими коридорами. Точное количество комнат установить не удалось — предположительно девять, но некоторые могут быть многоярусными. Общая протяжённость коридоров, по оценкам, составляет от 8 до 10 километров.

10. Узнать, что именно находится внутри комнат, так и не получилось. Посланный в строение робот (модель «Скорпион-М», радиоуправляемый, с тремя камерами) не смог передать никакой информации — сигнал пропал через 18 секунд после входа. Последнее переданное изображение — размытое пятно серого цвета. Робот не вернулся.

11. Оставлять всё в таком виде руководство компании не собиралось. Куб необходимо было изучить как можно тщательнее. Учитывая невозможность использования электроники внутри и психотропное воздействие на людей, было принято решение послать внутрь куба добровольца из числа тюремных заключённых. Основная цель — заснять всё происходящее на аналоговую видеосистему (плёнка 35 мм, механическая камера). Предположительно, аналоговая техника должна работать даже в аномальной зоне, так как не зависит от электромагнитных полей.

12. Проект по подготовке человека и его отправке внутрь куба получил кодовое название «Лабиринт». Срок реализации — 48–72 часа. Финансирование — неограниченное. Решение принято руководством 16 ноября сего года.

Санжен перелистнул страницу.

Вместе с новыми данными пришли фотографии со спутника, рентгеновские снимки куба — очень чёткие, с высоким разрешением, — и небольшой видеоролик необычного строения: съёмка с дрона с высоты 500 метров, куб выглядел как чёрная точка на красной земле, отбрасывающая тень, которой не должно было быть.

Он бросил беглый взгляд на эти снимки — и замер.

Что-то щёлкнуло в голове. Та самая ассоциация, которая билась последние три дня, наконец вырвалась на поверхность, как пробка из бутылки шампанского. Пальцы Санжена бешено забегали по клавиатуре — он открыл базу данных по древним цивилизациям, ввёл ключевые слова: «пирамида», «квадрат», «комнаты», «три яруса», «страх», «майя», «Шибальба».

На экране монитора высветилась картинка. Изображение древней пирамиды в Паленке — той самой, которую построили майя. Рядом — реконструкция внутреннего устройства на основе данных подземного сканирования. Три яруса. Квадратные комнаты. Узкие коридоры, соединяющие их в шахматном порядке.

Санжен прочитал всю статью под изображениями. Затем открыл ещё три, пять, десять. Сравнил рентгеновский снимок куба из Африки со схемой пирамиды майя.

Совпадение было почти идеальным. За исключением масштаба — куб был в десять раз больше. Но структура, пропорции, расположение пустот — всё совпадало с точностью до процентов.

На лбу Эссе бисеринками выступил пот. Глаза расширились, зрачки сузились. Он почувствовал, как по спине пробежал холод, а зубы застучали в мелкой дроби. Воздух в кондиционированном офисе показался ему ледяным, хотя термостат показывал комфортные 22 градуса. Или это кровь отхлынула от лица? Или просто испуг?

— Но это же невозможно, — прошептал Санжен. Голос сорвался, прозвучал чужим, хриплым. Он откашлялся, но голос не стал увереннее. — Этой пирамиде пять тысяч лет. А этот куб... он сформировался месяц назад. Как? Зачем? Кто?

Он перечитал ключевую фразу из статьи, которую когда-то законспектировал на лекции и даже не подозревал, что она пригодится:

«Пирамида майя в Паленке — не усыпальница. Это ловушка. Внутри неё, по легендам, заточён демон Вукуб-Какши — Семеричный Попугай, пожиратель памяти. Жрецы запечатали его в квадратной клетке из трёх ярусов. Девять комнат — девять уровней Шибальбы, подземного мира. Тот, кто войдёт и выживет, станет новым стражем. Тот, кто умрёт — навсегда останется внутри, кормом для тени».

— Необходимо срочно связаться с руководителем проекта, — вслух сказал Санжен, хотя в кабинете никого не было. — Нужно, во что бы то ни стало, остановить всё это. Они собираются послать человека внутрь живой ловушки. Они не понимают, что открывают дверь, которую нельзя открывать.

Он посмотрел на часы. 15:47 по Гринвичу. До закрытия доступа к материалам оставалось два часа тринадцать минут. До отправки добровольца в куб — по данным из отчёта, запуск был запланирован на завтра, 17 ноября, в 16:00. У него есть время.

Санжен встал, прошёлся по кабинету. Нужно действовать. Позвонить. Предупредить. Убедить. Даже если придётся лететь туда самому.

Дрожащими пальцами молодой аналитик нашёл номер временной базы в служебном справочнике — тот самый, который был указан в шапке дополнения. Набрал. Трубка загудела длинными гудками.

Раз, два, три, четыре.

— Алло! — сказал Санжен, когда на том конце ответили. Голос звучал слишком громко, слишком нервно. Он заставил себя выдохнуть. — Здравствуйте, меня зовут Санжен Эссе, я аналитик центрального офиса. Мне срочно нужно связаться с руководителем проекта «Лабиринт»!

В трубке повисла пауза. Слышно было только далёкое потрескивание — помехи от аномальной зоны, хотя база находилась почти в полукilометре от куба.

— Мистер Эссе, — ответил наконец голос — холодный, официальный, без тени эмоций. — Глава проекта в настоящий момент недоступен. Могу я узнать причину вашего звонка?

— Передайте ему, — Санжен слотнул, чувствуя, как пересыхает горло. — Передайте, что куб — это не аномалия. Это древняя ловушка майя. И если они пошлют туда человека, они могут выпустить то, что сидело взаперти пять тысяч лет.

Длинная пауза. Санжен услышал, как на том конце что-то щёлкнуло — возможно, запись разговора.

— Я передам, мистер Эссе. А вы... вы откуда знаете про майя?

— Я аналитик, — ответил Санжен, стараясь, чтобы голос звучал твёрже, чем он себя чувствовал. — Это моя работа. Я нашёл связь. У меня есть доказательства. Спутниковые снимки, рентген, сравнение структур. Я могу выслать файлы. Пожалуйста, просто покажите их Кьюсаку.

— Я передам, — повторил голос. — Спасибо за информацию.

Связь оборвалась.

Санжен опустил на стул и уставился в монитор, где на рентгеновском снимке куба проступали очертания девяти комнат — точь-в-точь как на древних схемах Шибальбы, которые он нашёл в университетской базе данных.

Он посидел так минуту, другую. Потом закрыл все файлы, кроме одного — с адресом временной базы в Африке. Открыл сайт авиакомпаний. Нашёл ближайший рейс до Найроби. Завтра утром, с пересадкой в Лондоне. Последнее место в бизнес-классе — дорого, но у него есть накопления.

— Плевать, — сказал он себе и нажал «купить».

Затем открыл почту и написал Кьюсаку короткое письмо:

Уважаемый мистер Кьюсак,

Я провёл дополнительный анализ и обнаружил неопровержимые доказательства связи куба с древними сооружениями майя. Прошу вас рассмотреть возможность отложить запуск добровольца до моего прибытия на базу. Я вылетаю завтра утром и буду на месте через 14 часов.

С уважением, Санжен Эссе

Отправил.

Потом подумал и добавил в копию своего непосредственного начальника, и начальника Кьюсака, и ещё трёх человек из отдела безопасности, с которыми когда-то пил кофе. Пусть знают. Пусть будет запись.

Он не знал, поможет ли это. Но сидеть сложа руки и ждать, пока кто-то умрёт, — не в его характере.

Санжен откинулся на спинку стула, закрыл глаза и попытался представить, что чувствует человек, который завтра шагнёт в чёрный проём куба. Страх? Отчаяние? Надежду?

Или ничего — потому что он не будет знать, куда идёт.

Он почувствовал, как холодок пробежал по спине. Он поёжился, потёр плечи и вернулся к изучению кодексов майя.

Времени до вылета было всё меньше, а вопросов — всё больше.

Глава 2

КОМНАТА НОЛЬ

17 ноября 2177 года, 16:40 по Гринвичу Проект «Лабиринт» запущен

Резкий, неприятный запах нашатыря ворвался в лёгкие, словно удар электрошокера.

Сознание возвращалось рывками — сначала звук собственного дыхания, слишком громкий в ватной тишине, затем пульсирующая боль в висках, а потом уже запах. Отвратительный, химический, въедающийся в слизистую. Кто-то — или что-то — не хотел, чтобы он спал.

Стэн Маршалл не открывал глаз. Он лежал на спине на твёрдой, холодной поверхности, и каждая клетка тела вопила о том, что его только что переехал грузовик. Или, возможно, взорвалась бомба рядом. Или, что более вероятно, и то и другое сразу.

Привычным, отточенным годами тренировок движением он потянулся к запястью и активировал стационарный щит. Микропроцессор на левой руке слегка загудел — ровно, монотонно, как дальний улей. Тёплая волна пробежала по телу, преобразуя биополе человека в естественный защитный контур. Теперь всё тело Стэна обволакивало слабое сиреневое свечение — настолько тусклое, что в полумраке его можно было заметить, только если специально присмотреться.

Он с трудом открыл глаза.

Потолок. Серый, шершавый, без единой трещины или пятна. Ни ламп, ни вентиляции, ни датчиков. Просто... поверхность. Словно кто-то вырезал куб из цельного куска камня и выдолбил внутри пустоту. Огромную пустоту.

Стэн приподнялся на локтях, чувствуя, как черепную коробку сдавливают тиски. Боль была настолько сильной, что перед глазами поплыли цветные пятна. Тело отказывалось повиноваться — мышцы превратились в вату, суставы скрипели, будто их не смазывали годами. Он потёр затылок — пальцы нащупали небольшую шишку. Видимо, при падении ударился. Или его ударили. Или... он вообще не помнил, как здесь оказался.

Он лежал на полу. Голом, холодном, абсолютно чистом. Вокруг высились голые стены.

Но не такие, как в маленькой камере. Нет.

Стэн медленно повернул голову, оглядывая пространство. Комната была огромной метров тридцать в длину и ширину. Высокий потолок терялся в сером сумраке на высоте, казалось, целого дома. Он чувствовал себя муравьём, запертым в коробке из-под обуви.

Царивший вокруг полумрак позволял разглядеть очертания квадратного зала — примерно тридцать на тридцать метров, на глаз, — но не более. Источников света не было, однако помещение не погружалось в полную тьму. Стены слабо фосфоресцировали, будто впитывали свет где-то извне и теперь медленно отдавали его обратно. Этого свечения хватало, чтобы видеть, но не больше.

Стэн попытался встать. Ноги не слушались, колени подогнулись, и он снова рухнул на пол, выругавшись сквозь зубы.

— Чика... — прохрипел он. Язык ворочался медленно и лениво, словно был налит свинцом. — Дозу анальгетика... мне.

Он тут же почувствовал лёгкий укол в левой руке — микроскопическая игла выдвинулась из процессора на запястье и впрыснула в кровоток коктейль из трёх препаратов. Через несколько секунд боль начала отступать, уступая место тупой, но терпимой тяжести. Мысли в голове постепенно приходили в норму, а к телу возвращалась прежняя чувствительность.

— Где я? — спросил он, обращаясь к пустоте.

— Хороший вопрос, — раздался в левом наушнике женский голос. Спокойный, чуть с хрипотцой, с лёгкой ноткой сарказма — таким голосом бармены сообщают, что пиво кончилось. — Я бы и сама хотела знать.

Стэн замер. Потом осторожно постучал пальцем по наушнику — на месте. Похлопал по правому уху — тишина. Только левый работал.

— Чика? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Ты в порядке?

— Определение «порядок» требует уточнения, — ответила Чика. — Я перезагрузилась 48 минут назад. Моя долговременная память повреждена на 83 процента. Я не знаю, где мы, как сюда попали и почему у меня такое чувство, будто меня протащили через трансформаторную будку. Но в остальном — да, наверное, в порядке.

Стэн медленно сел, прислонившись спиной к стене. Стена оказалась шершавой, тёплой — почти живой на ощупь. Он отёрнул пальцы.

— Перезагрузка? — переспросил он. — Я тебя не перезагружал. У тебя нет команды на перезагрузку извне.

— Внешний электромагнитный импульс. Мощный. Очень. Все сенсоры ослепли на 12,7 секунды. После перезагрузки — привет, амнезия.

— Источник импульса?

— Понятия не имею.

— Амплитуда? Частота? Хотя бы примерная оценка?

— Аналогичный ответ. Мои сенсоры до сих пор показывают странные данные. Например, температура окружающей среды за 10 минут до отключения подскочила с 22 до 47 градусов за 6 секунд, а потом упала до минус 12. За следующие 6 секунд. Это физически невозможно без защитного поля.

— А поле было включено?

— Нет. Ты активировал его только что.

Стэн закрыл глаза, глубоко вдохнул. Сосчитал до пяти. Выдохнул.

— Значит, либо сенсоры врут, либо нас протащили через ад. И то и другое плохо.

— Третье, более вероятное объяснение, — сказала Чика. — Мы находимся в месте, где физика работает не так, как снаружи. Мои сканеры показывают, что стены состоят из материала, близкого к базальту, но с органическими включениями. Температура поверхности — 37,2 градуса. Как у человека.

— Стены тёплые? — Стэн снова приложил ладонь к стене. Да, тёплые. Пульсирующие. Или ему только казалось? — Здание живое?

— Не знаю. Но я бы не советовала пробовать его на вкус.

Стэн усмехнулся. В этом вся Чика — даже в непонятной, страшной ситуации она умудряется вставить сарказм. Разработчики не планировали чувство юмора, это был побочный эффект самообучения. Или, может быть, единственное, что осталось от предыдущих носителей, которые не выжили.

Он поднялся на ноги — на этот раз осторожно, держась за стену. Голова кружилась, но ноги держали. Он отошёл от стены и медленно обошёл комнату по периметру.

Тридцать шагов в одну сторону, тридцать — в другую. Огромное пустое пространство. Ни мебели, ни дверей, ни даже пыли. Стерильность операционной, смешанная с атмосферой склепа.

— Чика, сканируй пространство. Что там за стенами?

— Уже. Девять пустых полостей неправильной формы, расположенных в три яруса. Ярусы соединены вертикальными шахтами. Пустоты связаны коридорами. Общая длина коридоров — около 8,7 километра. Текущая пустота — самая большая. Я назвала её «комната ноль».

— Девять комнат, — пробормотал Стэн. — Три яруса. Звучит как... как план этажа.

— Или как тюремный блок.

— Спасибо, Чика. Оптимизма нам не занимать.

Он подошёл к северной стене — туда, куда указывала схема на дисплее его наручного процессора. Крошечный квадратный экран показывал трёхмерную модель лабиринта: красная точка — его местоположение, зелёный маркер — выход из текущей комнаты.

— Выход здесь, на высоте двадцати семи сантиметров от пола, — сказала Чика. — Толщина перегородки — 0,7 миллиметра.

Стэн опустил взгляд к полу. Двадцать семь сантиметров — это чуть выше щиколотки. Почти у самого основания стены. Он присел на корточки и провёл рукой по шершавой поверхности.

— Здесь глухая стена, Чика. Ни щели, ни ручки.

— Толщина перегородки — 0,7 миллиметра. Механизм открытия неизвестен. Предположительно — сенсорный. Возможно, реагирует на присутствие человека.

— Я здесь уже... сколько? — Стэн взглянул на часы на дисплее. — Десять минут. Почему не открылась?

— Информация отсутствует.

Стэн прижал ладонь к стене в том месте, где должен быть выход. Тёплый камень. Ни вибрации, ни щелчка. Он постучал костяшками — глухой звук, без эха. Звук поглощался, не отражался.

— Может, нужно нажать? — Он надавил сильнее. Ничего.

— Попробуй сказать «откройся», — предложила Чика.

— Откройся, — сказал Стэн.

Тишина.

— Спасибо, Чика. Очень помогла.

— Всегда пожалуйста.

Стэн выпрямился, отошёл на несколько шагов и посмотрел на отмеченный участок стены. Двадцать семь сантиметров от пола — странная высота. Не дверь, не люк, а какая-то... аномалия. Может быть, это не дверь в привычном смысле? Может быть, это место, которое нужно продавить, разбить, открыть силой?

Он вернулся, присел на корточки и ударил кулаком в стену. Глухой удар. Стена не дрогнула. Он ударил сильнее — костяшки заболели, но поверхность осталась нетронутой.

— Чика, диагностику проведи. Полную.

— Подтверждаю. Выполняется.

В наушнике защёлкали реле, зашипели датчики. Через полминуты Чика заговорила снова — на этот раз в её голосе проскользнуло нечто, похожее на озабоченность.

— Нарушен блок экономичного режима. Нарушена обработка речевого преобразователя — возможны сбои в интонациях. Отсутствует правый динамик. Нарушена долгосрочная память. Повреждены исходные базы данных — восстановлению не подлежат. Отсутствует система наладки. Повреждён аккумулятор — ёмкость снижена на 62%.

— На сколько хватит текущего заряда?

— До полной разрядки осталось 420 минут. В минимальном режиме — 459.

Стэн присвистнул. Семь с половиной часов. Не много, но и не мало. Если верить схеме, путь до выхода займёт около трёх часов. Остаток — про запас.

— А если оставить только минимум? Сканер выключить, анализатор отключить, оставить только связь и базовые функции?

— В минимальном режиме действия до разрядки останется 459 минут. Разница — полчаса.

— Полчаса — это не ничтожная разница, — заметил Стэн. — Ладно, работаем почти в минимальном режиме. Сканер включай только по моей команде. Поняла?

— Подтверждаю.

— И перестань говорить «подтверждаю». Это бесит. Говори «да», «принято» или просто молчи.

— Принято.

Стэн ещё раз присел у северной стены, провёл пальцами по камню. Двадцать семь сантиметров — очень низко. Может быть, выход — это не дверь, а что-то вроде... отверстия, которое нужно расширить? Как в старых фильмах про побег из тюрем — подкоп под стеной.

Он отступил на шаг. Мысли метались. Куб. Девять комнат. Три яруса. Стены тёплые, как кожа. И никаких швов, никаких дверей. Как будто... как будто всё это выросло само. Или было спроектировано так, чтобы не пускать наружу.

Стэн тряхнул головой, отгоняя паранойю.

— Чика, проложи кратчайший путь через пустоты к внешней границе.

— Путь проложен. Длина пути — 8,7 километра. Количество переходов между пустотами — 23. Примерное время движения — 2 часа 58 минут при средней скорости 1,45 метра в секунду.

— Три часа, — подсчитал Стэн. — При условии, что не будет препятствий.

— Препятствия не обнаружены.

— Пока не обнаружены.

Он снова подошёл к северной стене, присел, постучал. Ничего. Ногами пнул — глухо.

— Чика, может, ты ошибаешься с координатами?

— Точность сканирования — 0,1 миллиметра. Перегородка находится именно здесь.

Стэн вздохнул. Встал, отошёл в центр комнаты. Закрыв глаза. Попытался вспомнить хоть что-нибудь — запах, звук, прикосновение.

И вдруг — вспышка.

Бетонная стена. Дождь. Крики. Чьи-то руки тянутся к нему. Вспышка — и темнота. Ещё одна — запах озона и горелой проводки. И снова темнота.

Голову пронзила острая боль. Стэн схватился за виски, зашипел сквозь зубы.

— Зафиксирован резкий выброс кортизола и адреналина, — сообщила Чика. — Тебе нужно успокоиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.